

Про Василия Буслаева (2)

В Новом-городе, это знаешь, было, отец его был как помещик; отец помер, так матери овдовела, а сын вот этот, Василий, остался. Учился в школе. Он в школе хорошо учился, выучила она его, и стал хозяин, руководить. А что он придумал? Когда рос-то, был очень сильный, на него все ребята обижались. Когда взрослым — стал себе дружину собирать. Ярлыки написал: «Приходите ко мне пить, есть, все готово, одежда готова». На готовое-то много нашлось. Он выкатил вина бочку, чару поставил. И был у него стяг, вяз назывался такой — ну, дубина. Такой приказ дал: «Кто эту чару не выпьет, тот не годится, кто выпьет, после того пускай становится под вяз. Я, — говорит, — ударю, выдержит — тот будет мне годен».

Некоторые ушли: пожалуй, захвоснет! Ругаться стали матери его: вдовой сын был дак!.. Но тридцать человек тут набралось, нашлось. А тут был Потанюшка Хроменькой — хроменькой, коротенькой. *(Папаша-то этак упоминавал.)* Был он постарше их. Берет он чару единой рукой и выпивает на один дух и становится. А тот и говорит:

«Ой еси, Потанюшка Хроменькой —
Хроменькой, коротенькой,
Жаль, — грит, — мне тебя!..»

А он говорит:

«Не жалей моей старости —
Хвостни со всей ярости!»

Этого приняли. Тоже девушка тут одна была, приняли. Набрал так человек тридцать партию. Они стали на пароходах ходить, плавать.

Вот в праздник братчину стали варить. А был староста, братчину-то собирали — солод, варили пиво, а потом праздновали. А к ему и не приходили, на него обижались, они где-то там поспорили; его и солод не взяли, его в компанию не пригласили. А когда праздновать-то стали, они выпили, дружиной-то, и пошел Василий от туда, а его не примолвили; он разгорячился — набрали пива и вина и росспорились дружиной с Новым городом драться. Если Василий одолеет, так Нов-город будет дань платить, а если Нов-город одолеет, Василий будет дань платить. Эво какой заклад! А

договорились было в восемь часов драться у Чудна Креста, у реки. Звание есть — Чудной Крест. Дак там быть в восемь часов утра.

А они вечером напились, он пьяной. А мати-то узнала, что они такó дело затеяли. Она взяла да кузнецёй созвала, да его пьяного да и заковала там в клетки! Замки повесила крепки, тягу, чтобы не вышел, видишь. А те были ведь все тут, все собрались, пришли к такому-то времени; ну, вот и там напали, как уж схватка-то. А эта девушка пошла в Волхов по воду и — коромыслецом, а видит такое дело: там все уж перебитые из них, уж головы завязаны. Она коромыслецом сколько ле поводила, похвостала их (тоже сильная была) — и давай скорей уматывать: того разбудить Василия-то. А он учул, стена-то задрожала, пробудился, она ему и давай напевать: «Что же ты, — говорит, — спишь? У тебе, — говорит, — дружина-то по колено в крови бродит се, все головы замотаны, а ты, — говорит, — спишь». Вот он соскакивает с одору в одних головках, в одной рубахе — да и в двери. В двери — и паки замки всё совсем вытолкал, высадил и вот и убежал. Сам побежал с этим; ну, вот там теперь, говорят: есть эта егова-то дубина, которой он бил. Побежал, а ему этот, которой его учил-то, учитель-от старик его, учил его, он гоголем мог овертываться всё — да-от встретился — несет колокол на головы, языком подпираетси. Был непростой, так и все науки знал — раньше-то верили. А он и говорит: «Куды это ты, — говорит, — молодой, — говорит (*его обозвал — как это, што? — говорит*). И не хочешь поздароваться! Ты, — говорит, — слушать должон меня, куда, — говорит, — побежал?» А он говорит: «Ты, — говорит, — а учил когда меня, — говорит (он-то ещо говорит: «У меня во учении был!» — старик-от), — когда ты, — говорит, — меня учил, так и деньги брал, а теперь я, — говорит, — тебе...» И он его языком посередь Волхов вывел. Вот он овернулся этим гоголем и обратно на берег выплыл. Схватил этот опять вяз от и дóгнал его да треснул, и колокол расколося и старика убил. И тогда, когда там бежал ешше, и вот прибежал. «Но, ребятки, — говорит, — сёдите да отдохните, дайте мне добратся до Миколы до старосты!» — до старика-то етого, с кем он спорился. Ну и вот, тут начал их (*картинка была ведь у деда в книжке-деле, печатная тоже была*), ну, вот. Вот и некоторые пошли жаловаться матери-то, чтобы уняла, а то всех ведь побьет: мужиков-то удавил и детей много остались — он насмерть бьет: кого полоснет, тот и насмерть улетит. Вот она говорит: «Не смейтесь, мужики-новугородцина, — говорит, — у меня Василий крепким сном спит!..» Та толпа приходит, а оттоле стекается друга, третья, плачут: умоляют, чтобы упросила. Вот пошла, посмотрела — там все простенки выволены. Ну, вот те, вот и пошла. Дак он послушал матери-то.

Вот после того-то он собрался исповедываться в Иерусалим ли, куды-то ехать. «Ведь много, — говорит, — из-за меня, мамка, — говорит, — сирот сиротат, много вдов вдовеет». Он убил много людей-то. Дак вот, он поехал в его туда. А там был, на островах где-то тоже, банда была, дак ему не советовали туда. А так-то ишь, кругом-то нать далеко идти-то, он прямым путем был, не боялся. Он к ним приворотил, и они его приняли, как хорошего гостя, да еще ему сопровождаемого дали. А вот на пути-то была гора и с крестами: когда-то бой был или чо-то ле, дак кресты были наставлены. Вот он туда опять приворотил, заходит. А там ничего не нашел — нашел голову человеческую, череп. И голова заговорила: «Василий, — говорит, — я, — грит, — много (он стал ей пинать, череп-от; грит: «Какая тут валеется, — грит, — что ли», — грит), — а я, — говорит, — много лет лежу, да все про тебе грезитси: ты, — говорит, — будешь со мной лежать». Он стал ей с ноги на ногу попинывать, с одной ноги на другую. Она говорит: «Что ты меня тревожишь? Василий, — говорит, — я ведь, — говорит, — ведь, — грит, — не хуже тебя был, я богатырь тоже был, да погиб: яму подкопали, да заехал на коне в подкоп. Ну, — он говорит, — ты меня не тревожь, я, — говорит, — тридцать лет лежу уж здесь и все про тебя, Вася, грезитси: ты будешь со мною лежать во товарищах». А он говорит: «Ты сама говоришь или тебе бес мутит?.. Как это я буду, — грит, — лежать, с чего?..» Ну, вот, он не поверил.

Он сперва распорился с ей, а обратно-то поехал: «Нать, — грит, — прос<т>иться перед ей, я, — говорит, — с ней неважно поступил. Он тоже, — бат, — не хуже меня был». Когда зашел в еко-то место, где голова-то, знай место-то, а тут камень лежит, в етом месте-то. И на камне написано: «Кто этот камень не перескочит, тому не бывать в Новом-городе». Вот тебе! Вот он и говорит: «Ну, — говорит, — ребята, я, — говорит, — я-то што, я перескочу, а вот мне, — говорит, — Потанюшку Хроменького жалко». Это пожилого-то: хромой, прихрамывают. А тот вскочил, да и всех легче перескочил. А он — те поперек скакали, — а он вдоль скочил, Василий-от, и легко перескочил. «Ох, — говорит, — кто это и написал? Да я, — грит, — взад перескочу, да и то перескочу!» А взад-то перескочил и задел немножко пяткой за это место — и всё. Хотели его увести к матери, но не могли: пароход нейдет, ветер, это, ветер не несет (тогда ведь парусны были!), и обратно вернулись. Да тут по угору перешли, где камень лежал, — тут голова лежит. Захоронили вместе с головой. Так он погиб. *(Я вот только это знаю; а вот стариной татко пел, так ведь хорошо!)*

(Зап. В. В. Коргузаловым, В. В. Митрофановой, С. Н. Азбелевым 20 июня 1961 г.: д. Усть-Низема Лешуконского р-на — от Антонова Дмитрия Максимовича, 56 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.